

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

“ЕСЛИ БЫ, ДА КАБЫ...”

1953 год — 5 марта умер Иосиф Сталин. В последующие месяцы во главе ЦК КПСС встал Никита Хрущёв. Именно в это время по его инициативе было принято решение о передаче Крыма из состава России в состав Украины. Непродуманность и поспешность этого решения в будущем привела к драматическим событиям, произошедшим в 2014 году, которые и привели к лицемерным и надуманным “санкциям” против России, к жертвам в Донбассе. О событиях того года эта пьеска-фантазия и, как говорится в мудрой русской поговорке, “сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок!” А недобрым? Тоже урок, но с большим количеством шишек.

Действующие лица

Иосиф Сталин – Призрак
Никита Хрущёв – Первый секретарь ЦК КПСС

Президиум ЦК КПСС

Члены Президиума и участники совещаний

Вячеслав Молотов
Лазарь Каганович
Серго Микоян
Клим Ворошилов
Георгий Жуков
Алексей Косыгин
Нина Петровна (жена Хрущёва)

Англия

Уинстон Черчилль – премьер-министр, консерватор
Клемент Эттли – лидер оппозиции, лейборист

США

Дуайт Эйзенхауэр – президент США, генерал
Уильям Хёрст – газетный магнат, миллиардер

Китай

Мао Цзедун – Председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК

Пэн Дэхуай – генерал, министр обороны Китая, прославился в войне с Америкой в Корее

СССР (Москва)

Ким – Председатель пролетарской группы “За чистоту ленинизма”, рабочий

Шалевич Борис Львович – Председатель Совета группы “За ленинские нормы”, доцент МГУ

Солдатик

Донбасс

Иван Никифорович Иванко – солдат, ветеран, награждён медалями “За взятие Берлина”, “За освобождение Варшавы”

Иван Иванович Иванов – солдат, ветеран, награждён медалями “За взятие Берлина”, “За освобождение Варшавы”

Действие происходит в 1953–1954 годах

Кремль, октябрь

Заседание Бюро Президиума ЦК КПСС

Перед заседанием Молотов и Каганович сидят рядом

Молотов: Ты знаешь, что этот эсер придумал отдать Крым Украине к 300-летию Переяславской Рады?

Каганович: Да, знаю, даже записку получил с просьбой, чтобы я поддержал, ведь на Украине тоже работал. Скажу, что корень виден: заполучить двадцать голосов, по крайней мере, первых секретарей украинских обкомов. Кресло шаткое. Мечется туда-сюда.

Молотов: Ну, к чему затевает этот передел? Только что устаканили границы.

Стремительно заходит Хрущёв. С подозрением смотрит на собравшихся.

Хрущёв: Ну, что, дорогие товарищи, записку получили, я думаю, поддержим акт глубокого интернационализма. Да, и для Украины будет поддержка, бандеровцев в лесах добивают. Проведём празднование 300-летия со дня присоединения Украины к России, вернее воссоединения. Я думаю, что голосование не требуется. Принимаем...

Молотов: Постой, Никита... С какого это перепоя такое решение принимаем? Что-то случилось? Давай тогда к Белоруссии Смоленск присоединим, к Эстонии – Псковскую землю, финнам – Кольский полуостров. Зачем эту кучу-малу устраивать. Только что войну окончили – жертв сколько!

Хрущёв: Да это и не присоединение вовсе, просто отдаём в пользование совместное. Да, это знак дружелюбия, нашего отношения к украинцам. (*Обращается к Жукову*). Ведь они здорово воевали, товарищ маршал?

Жуков: Отменно. Чего стоят Малиновский и Черняховский, Рыбалко и Лелюшенко. А Иван Кожедуб? Как свечи, зажигал немецкие самолёты. Хотя и не знаю, кто из них чистый украинец (*подумал*). Да и полицаев, и бандитов было предостаточно на Украине. Одних бандеровцев, что в спину стреляли красноармейцам, сколько! Вот и моего товарища, генерала Ватутина, застрелили. Впрочем, и власовцы не одного нашего солдата уничтожили... Но в общем, все воевали здорово: и русские, и белорусы, и украинцы, и мордва с якутами, и грузины...

Микоян (перебивает): Армяне тоже...

Жуков: Да все воевали, и награждать надо всех.

Хрущёв: Ну, товарищи, вот мы и награждаем.

Молотов: Ты, Никита, подумай, какой ты пласт затрагиваешь, ведь Крым всегда был русским. Там князь Владимир крестился, православным стал.

Хрущёв (перебивает): Ты ещё эти штучки поповские вспомни!.. Придёт время, мы чучело последнего попа увидим.

Молотов (сердится): Никита, есть же история. Крым в XVIII веке Потёмкин и Суворов завоевали. Русский Черноморский флот там появился. Орден Ушакова знаешь? Вот он и построил с друзьями его. А до этого там один турецкий флот был. Екатерина проехала, утвердила Крым в составе России.

Хрущёв: Ну, что мы бабьим подолом закрываемся! Крым наш, советский, социалистический.

Молотов: Да не бабьим подолом, а Крымскую войну в XIX веке, если читал Толстого, кто вёл? А Севастополь кто защищал в сорок первом—сорок втором?

Хрущёв: Хватит нам прошлым защищаться, у нас впереди коммунизм без границ и наций.

Молотов: Но надо знать, какие претензии к нам придут из прошлого. Вот и по Кючук-Кайнарджийскому миру в 1773 году, когда Крым отходил к России, турки подсунили один параграф: когда Крым отойдёт от России к кому-нибудь, то Турция имеет право снова присоединить его к себе.

Хрущёв (раздражённо): Ну, что ты, Вячеслав, нас своими дипломатическими знаниями пугаешь? Где сейчас Турция? Сидит в кустах после войны и не рыпается.

Молотов: Мне хватит на мою жизнь, когда жёнушка моя с Голдой Меер, послом Израиля в Москве, решила Крым сделать еврейским, переселить туда из всей Европы евреев как жертв, но Сталин сказал: “Нам своих жертв надо переселить туда – русских, украинцев, белорусов, да евреев наших советских, – а жена твоя пусть в Казахстане, в лагере посидит, покрепче подумает”.

Каганович: Да ты и обрадовался, поди, отдохнёшь дома?

Молотов: Обрадовался... не обрадовался. Но с тех пор хорошо понял: на чужой каравай рот не разевай, а то меня Сосо подальше Казахстана пошлёт, да и несправедно это.

Ворошилов: Никита, а может, давай, по-дружески обменяемся: мы Украине Крым, а они РСФСР Донбасс. Вот мой Ворошиловград раньше был Луганском и всегда в Россию входил. (Закрыв глаза, пропел голосисто: “Когда луганский слесарь Ворошилов водил полки по скошенным полям...”) И ни у кого вопросов не было. А вообще-то тут была советская Донецкая Республика, и её тоже Украине передали. Зачем?

Хрущёв: Клим, ты же знаешь, надо было пролетарское ядро на Украине укрепить: она же вся хуторянская была.

Молотов: А зачем не объявили Новороссию отдельной советской республикой? Ведь если ты историю хоть немножко знаешь, то в XVII и XVIII веках эти пустые степи не были заселены, и русские войска прошли на юг, чтобы у России был выход к морю, как Пётр через Балтику сделал. А затем эти земли заселили выходцами из Орловской, Воронежской, Брянской губерний, переселили европейцев из Сербии, Хорватии, Германии, Болгарии. Там вокруг Елизаветграда земля даже Новосербией называлась. Города-красавцы построили: Одессу, Херсон, Николаев, Мариуполь, Тирасполь, Севастополь. Громадная область, то бишь губерния Таврическая, была создана и её вскоре назвали Новороссия, потому что это была как бы новая Россия. Давай создадим Новороссийскую Советскую Республику! Все будут довольны: русские, моряки и отставники, что здесь селились, ну и, конечно, немцы, украинцы, болгары, молдаване – все вместе, вся Россия, а нынче Советский Союз.

Хрущёв: Да, я-то про ту историю слышал, но мы же здесь ничего не меняем, а передаём, как в семье большой комод переставляют с места на место, и никто его своей собственностью не считает – всё общее.

Молотов: А как ты думаешь: почему всё-таки Сталин Львов передал Украине, хотя он никогда украинским городом не был, а был польским или австрийским? И почему Украине, а не Узбекистану? Буковину от Румынии тоже передал Украине... А почему Закарпатье, хотя оно было заселено русинами и Закарпатской Русью называлось, Украине отдал? А Измаил от Бессарабии, Молдовы тоже забрал? Ты понимаешь, что тем самым он Украину к Советскому Союзу привязывал.

Хрущёв: Ладно, что спорить и додумывать историю, тем более что, может, некоторые действия Сталина и несправедны были.

Каганович: Ну, это ты, Никита, хватил. У Сталина, да несправедные действия? Так далеко пойдёшь.

Хрущёв (испугался): Да не об этом, а то, что нам работать в новых условиях и обдумывать надо по-новому. Ладно, если есть какие-нибудь сомнения ещё, давайте повременим, разведку запустим, проверим в стране, за границей: как к этому отнесутся враги и друзья, и соберёмся ещё раз.

Микоян (выходя, шепчет Молотову): А мне главное, чтобы Армению не отдал Азербайджану. Ой, что будет тогда?

Молотов (бурчит): Вот тут Турции и отдаст за Босфор.
Микоян (в испуге): Ты, Вячеслав Михайлович, не шути так.

Англия **Август 1953 года**

Загородная резиденция премьер-министра Чекерс недалеко от Лондона, кабинет в старинном викторианском стиле.

Лакей (зашёл, докладывает): Сэр Клемент Ричард Эттли.

Черчилль: Да какой он сэр, так, выскочка...

Лакей: Простите, сэр?

Эттли зашёл, чинно поклонился, ждёт приглашения.

Черчилль сидит в кресле-качалке, закрыв ноги пледом. Перед ним столик с наполовину выпитой бутылкой коньяка, он дымит неизменной сигарой. Эттли морщится, качает головой, как бы разгоняя дым. Черчилль указывает ему на кресло напротив и на пустой фужер.

Черчилль: Наливай коньяк, армянский, сам дядя Джо подарил, до сих пор храню, по-доброму вспоминаю. Хитёр и ужасен был. Даже я вставал, когда он заходил (хохочет). А вдруг ударит, как Иван Террибль сына посохом.

Эттли безразлично отказывается.

Черчилль: Ну, чего пришёл-то, ведь не будешь проситься в кабинет министров (хохочет)?

Эттли: Нет, Уинстон, дела плохи. Мы вторая партия Британии, хотя тебе и проиграли в 1951 году, но ведь мы, лейбористы, за Великобританию. Индия отпала, хоть мы и Пакистан придумали, чтобы их расколоть. Африка трещит, короли и арабские шахи хотят из-под нас вывернуться. Европа дрожит, как лист, боится Советов, в Италии и Франции коммунисты рвутся к власти. Надо Советский Союз остановить, придумать ему войну или склоку внутреннюю.

Черчилль: Да, Эттли, проиграл ты в 1945 году нашу империю.

Эттли (слегка возражает): Да ведь это при тебе всё и началось, Уинстон!

Черчилль (ворчит): Зато я первый в Фултоне против коммунизма речь произнёс, покада вы все там с Советами целовались.

Эттли: А кто всю войну вместе со Сталиным против Гитлера воевал?

Черчилль: Я же для Англии старался. Я ведь знал: никто Англию не спасёт, кроме Советской России. Рузвельт только о процентах думал, чтобы на войне заработать. А вся Европа уже под Гитлера легла, и больше силы в мире не было, чтобы Германию остановить. Я бы тогда хоть с дьяволом союз заключил! Ты учи: у Англии никаких постоянных интересов и союзников нет, кроме тех, которые нам полезны. Ну, в общем, что там у тебя?

Эттли: Посоветуй, как Советы остановить, что сделать? Вот уже и водородную бомбу изобрели. Как их расколоть? Чем ослабить?

Черчилль: А какие там события? Думаешь, что сейчас у них важнее?

Эттли: Да вот, собираются Крым передать Украине от России.

Черчилль: Постой, постой! Вот тут и надо бузу устроить, возмутиться: “Как это так, у России отбирают Крым?”

Эттли: Но это же у них в Союзе.

Черчилль: Какая разница... Надо создать волнения: Крым отбирают и Россию обижают! Провести у их посольств демонстрацию из бывших властителей. Какого-нибудь князя замшелого найти, чтобы он кричал: “Вот, большевики опять Россию угнетают!”

Эттли: Не пойму! Ведь это же все у них происходит, внутри.

Черчилль: Ну, и какая нам разница? Кто знает, где там эта Украина! О, вот что! Знаешь, надо объявить, что мы санкции против Украины объявляем, в ООН поставить вопрос, внести предложение об исключении Украины из ООН. Ведь этот мерзавец их в ООН протасил! Вот уж он вертел и Рузвельтом, и, надо признаться, мной. Да-да! Голосование провести в ООН.

Эттли: Но кто проголосует?

Черчилль: Да что ты! Таких холопов найдётся сколько угодно! Вот Самоса в Никарагуа – мерзавец первостатейный. Как говорят американцы: “Мы тоже знаем, что Самоса – сукин сын”, – и сами себе отвечают: “Но это же наш сукин сын!” (хохочет). А Чан Кайши на Тайване сидит, дрожит. Да он уже сейчас готов весь маоцзедуновский Китай продать Америке. Вот вам и программка: санкции, демонстрации, шумиха в ООН, конгресс какой-нибудь

провести в защиту России. Все впадают в экстаз, ничего не понимают, но возмущаются. Эх, учить вас некому... Ну, конечно, потрясти Ротшильдов – пусть раскошелятся. А у русских такого, как дядя Джо, нет, начнут оправдываться, отставят идею, ослабят. Значит, слабы. А потом мы лет через 50–70 повторим, всё сделаем наоборот (*задумался*). Заглядывать слишком далеко вперёд – недалековидно. Эх, нас уже, пожалуй, не будет, но мы всегда против России должны выступать. (*Налил коньяка, затянулся сигарой.*) Лучше делать новости, чем рассказывать о них. Ну, иди, работай.

Эттли вышел озадаченный.

США, Вашингтон **Осень 1953 года**

Кабинет президента – генерала Дуайта Эйзенхауэра. Портрет первого президента Америки Джорджа Вашингтона и скромный стол тогдашнего президента. Дуайт, задумавшись, сидит за столом. Входит секретарь и докладывает: “К Вам господин Уильям Хёрст” (глава громадной газетной американской газетной монополии). Дуайт глубоко вздыхает и сокрушённо отвечает: “Пусть заходит”.

Хёрст (заходит, тяжело дыша, и сразу начинает): Господин президент! Надо немедленно вмешаться.

Дуайт Эйзенхауэр: В чём дело?

Хёрст: Украина получает Крым! Россия отдала его.

Дуайт Эйзенхауэр: Ну и что?

Хёрст: Но это же создаёт напряжение. Надо привести в состояние боевой, тревожной подготовки войска в Европе.

Дуайт Эйзенхауэр (с раздражением): Ты что, меня с маршалом Жуковым поссорить хочешь? Он же мой боевой товарищ, мы воевали вместе против нацистов!

Хёрст: Но они же Ялту отдают, где Рузвельт, Черчилль, Сталин собрались вместе, мир разделили. Им плевать на Ялту!

Дуайт Эйзенхауэр: Ну и дураки, исторические места отдают. И что русские и украинские люди не одинаковые народы? Мне кажется, одинаковые.

Хёрст: Да вроде разные, хотя точно не знаю. Надо им устроить ссору, клинья забить между ними, шумиху поднять в мире.

Дуайт Эйзенхауэр: Ну и забивай, обличай, “Голос Америки” подключай, “Свободу” и всю вашу братию...

Хёрст: Я всё понял. Шум будет.

КНР, Пекин **Осень 1953 года**

Зал заседаний Политбюро. Все сидят в синих робах. За столом **Мао Цзедун**, рядом – **Пэн Дэхуай**, главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая, прославившийся тем, что перешёл реку Янцзы с миллионом или больше китайских добровольцев и разбил американцев в корейской войне. На сцене – пятизвёздочный флаг Китая.

Мао Цзедун: Пэн Дэхуай, этот Крым далеко от Китая?

Пэн Дэхуай: Вроде в Европе. А что, американские империалисты там высадились?

Мао Цзедун: Да нет, но вот-вот Украина оттяпает его от России, а там и до американцев недалеко.

Пэн Дэхуай: Ну, отправим туда миллионов пять-семь добровольцев – успокоятся.

Мао Цзедун: Да нет, надо просто поговорить с Хрущёвым и другими, чтобы они свои земли не раздавали, а то снова начнётся война, как в Корее. Ты поговори там с Жуковым, чтобы осторожнее были. А то что?.. Внутреннюю Монголию отдавай Монголии, то бишь МНР?

Пэн Дэхуай: А что, дошло до этого?

Мао Цзедун: Да, я вот запомнил, как меня Сталин в приёмной три часа продержал, а потом огорошил, что провинцию Синьцзян надо передать Казахстану, и они там уйгурскую республику сделают. Хотя я, честно говоря, испугался, но Сталину возражать не решился. Он ведь был решительный. Я и про-

мямлил: лет через пять сделаем, а сейчас там уйгурских мусульман добить надо. Попыхал, попыхал трубкой и согласился. Вот человек был – настоящий вождь пролетарской революции! А нынешнего не пойму: хитрый, изворотливый... Как бы он ревизионистом не стал. В общем, поговори с Жуковым, образумь: в СССР ничего менять нельзя, а то во всём мире зашевелится беда.

Москва Октябрь 1953 года

Ленинская комната на заводе. В комнате 5–7 человек. За столом двое: председатель пролетарской группы “За чистоту ленинизма” Ким и доцент МГУ Борис Львович Шалевич, председатель Совета партии, “За ленинские нормы”.

Ким: Дорогие товарищи, наша пролетарская группа действия “За чистоту ленинизма” решительно выступает против волюнтаризма – так, кажется, это у вас, Борис Львович, в науке называется – Никиты Сергеевича Хрущёва. Он никаким съездом партии не избран, но авторитетом партии распоряжается. В частности, распустил слух, что передаст Крым от России Украине. Как это так? Без обсуждения, без выборов? Ну, товарищ Сталин это мог, но тогда война была, и то он провозгласил тост “За русский народ!” А русский народ и рад был, ведь самый бедный народ, не то, что грузинский. Ему и слово дорого. А сейчас что? Взял и отдал! Мы, пролетарии, решительно возражаем! Советоваться надо, война закончилась.

Борис Львович: Да, мы тоже группа, почти партия, “За ленинские нормы” этого предложения о Крыме не принимаем. Мы, евреи, особенно и всегда протестуем первыми. Надо выступать против. Сначала вы, а мы за вами.

Ким: Ну что, друзья, идём на митинг на Манежную площадь всей партией в 10 человек.

Борис Львович: Ну, и мы почти все сразу. Три человека, два больны.

Ким: Вот мой отец, коренной пролетарий, даже революционное имя мне дал: Коммунистический интернационал молодёжи, сокращённо – Ким. Мы за великий интернационализм, но сейчас надо никого не ущемлять. На улицу, товарищи! На демонстрацию!

Москва Осень 1953 года

Квартира Хрущёва. Спальня. Раздаётся громкий крик: “Не буду, не буду!” В комнату вбегает с фонарём Нина Петровна – жена Хрущёва: “Ты что, Никита, что с тобой?”

Хрущёв: Он, он появился. Всего пять слов.

Нина Петровна: Да кто он?

Хрущёв: Да Сам, с трубкой. Погрозил: не разрушай, в историю войдёшь, как Герострат.

Нина Петровна (поняв, о ком идёт речь, всё-таки переспросила): А Герострат-то кто?

Хрущёв: Да один древний грек, что сжёг постройку для собственной славы.

Нина Петровна: Ну, тебе-то что? Из-за какого-то грека страдаешь. А Самого-то давно нет, с марта. Забудь его.

Хрущёв: Ну, как забудь? Ведь появляется же! Может, секрет какой знает, как исчезать и появляться, а нам не передал.

Нина Петровна: Никита, ты же материалист, в Бога не веруешь, а тут... Ну, что ещё сказал-то?

Хрущев: Добавил ещё: “Не трогай Крым. Я же Украине отдал Львов, Буковину, Закарпатье, что русинами заселено, а я их украинцами прозвал, да ещё Измаил от Молдавии. В ООН пристроил Украину-то, ведь не Грузию, не Узбекистан! Не трогай Крым!” Я и закричал: “Не трону, не трону!”

Нина Петровна: Не повторяй, Никита, больше этого. Сделаешь, сразу двадцать пять голосов получишь – твой перевес. А жертвы свои спиши на него, добавь ещё несусветное количество. Ведь чем больше врешь, тем больше верят...

Хрущёв: Ой, успокоила, я ведь не знал, Нина, что ты у меня такая умная, как Коллонтай.

Нина Петровна: Сам ты Дыбенко! Я ведь за мужиками не бегала, как она, и не вопила: “Переспать с любимым – что стакан воды выпить!” Помнишь?

Хрущёв: Да помню, помню, сейчас не до этого.

Нина Петровна: Спи, Никита, он больше никогда не приснится живым.

Кремль

Последний день 1953 года

Собралось Бюро Президиума ЦК КПСС и министры. Заходит торжественный Хрущёв.

Хрущёв: Товарищи, садитесь (хотя все давно уже сидят). Мы вступаем завтра в Новый год, год, свободный от тирании!

Каганович (оглядываясь): От какой тирании, товарищ Хрущёв?

Хрущёв (чуть смешался и смутился): Ну, ещё время не пришло сказать всю правду, но мы её в ближайшее время скажем. А сейчас я хочу вас поздравить: мы совершаем акт величайшего интернационализма. Я подписал решение передать Украине Крымский полуостров. Это большой подарок Украине к 300-летию Переяславской Рады, 300-летию воссоединения на вечную дружбу наших народов. Мы провели разведку и на Западе, и на Востоке. Наши враги, эти поджигатели войны, конечно, недовольны. Жалкие митинги в Лондоне и Нью-Йорке. На Востоке тоже обеспокоены, что тоже придёт что-то передавать. Ну, знаете! Им ещё надо поучиться, а не рыпаться на старшего брата. В Москве беспокойно. По агентурным сведениям, две крупные группировки недобитых врагов народа думают выйти на улицы, на демонстрацию. (Обращается к Жукову) Ну, тут тебе, Георгий, надо будет поработать: танки ввести. “Броня крепка...”

Жуков (перебивая и не дослушав до конца): Никита Сергеевич, я тебе танки не дам, чтобы расстреливать и давить свой народ...

Хрущёв: Да тебя никто не просит давить – поугагать надо... Ладно, у нас войска МВД есть. Надо, товарищ Круглов, вывести пару тысяч, чтобы в гражданской одежде и в милицейской форме были, на Манежную площадь, а то и раньше их изолировать, арестовать и в мордовские леса.

Молотов: Постоянно ты, Никита, спешишь. Ну, собрать надо Верховный Совет, посоветоваться. Да и Сулов пусть повystупает. Он ведь, когда начнёт речи говорить – все успокаиваются, засыпать начинают.

Хрущёв: Шутки неуместны. Ну, что тут особенного, это ведь как комод в одном доме, где семья разные его переставляют, где лучше поставить. Ведь ничего не изменится. (Обращается к Косыгину.) Вот ты, Алексей, самый молодой из нас, да и в Совмине всё чувствуешь, что тут плохого?

Косыгин (покашливая и немного смущаясь – ведь не часто на Политбюро выступает): Да плохого пока ничего нет. Но почему мы всё за счёт России, русского народа? У неё нет даже своей компартии.

Хрущёв: Как это нет? А мы кто?

Косыгин: Да мы – СССР, а вот в Узбекистане есть Компартия Узбекистана, у Грузии – своя компартия, у Украины тоже есть... Всё-таки они о своих республиках думают. А вот и Академия наук СССР. В РСФСР своей нет, даже Союза писателей нет.

Хрущёв (раздражаясь): Ну вот, вы всё то о попах, то о писателишках думаете, а кто о пролетариях и о колхозниках думать будет? Всё, за дело. Кто будет разгонять толпы, а кто указы готовить. За работу, товарищи!

Мордовия

Весна 1954 года

Станция Зубова Поляна. Из вагона выгружаются арестанты. Выстраиваются по 4 человека в ряд. Двух конвоиры отводят в сторону. “Вот их сопровождай, глаз не своди!” – говорит краснолицый майор молодому солдатику. Тот пристраивает арестованных в конце колонны, с любопытством поглядывая на них. Колонна пошла. Солдатик тихо спрашивает: “А вас за что?”

Борис Львович (тихо говорит): Мне сказали, что скоро освободят: я уже покалялся...

Солдатик (обращается к Киму): А тебя тоже освободят скоро?

Ким (вздыхает): Нет, меня не скоро. Да мне и признаваться не в чем.

Солдатик (с подозрением смотрит на него): А за что тебя посадили?

Ким (ещё раз вздыхает): За Россию...

Солдатик (вздыхает тоже, молчит долго, потом спрашивает): Да что ты что, большевик?

Ким: Это почему же?

Солдатик: Мой дед говорил, что большевики после революции хотели, чтобы всем было хорошо, а коммунисты – чтобы только им хорошо было.

Ким: Не знаю, так ли это? Но вот мой дед сказал, что на войне не спрашивали, партийный ты или нет и какой национальности, а видишь – победили!

Солдатик (молчит, соображает): Вот в тюрьме не спрашивают, всех в одну робу одевают. (Идёт, долго думает, потом снова спрашивает): А что, тех, кто за Россию, тех в тюрьму сажают?

Ким (неуверенно говорит): Да нет, не всех, многие работают на неё.

Солдатик: Вот и я работать буду на Россию после службы.

Азовское море

Лето 1954 года

Село Широкое. На краю села – хата, завитая диким виноградом. Перед домом – цветы. За накрытым столом в армейской форме сидит хозяин дома, крепкий и обветренный Иван Никифорович Иванко. Входит такой же крепыш, хотя немного повыше, Иван Иванович Иванов. У обоих на груди медали “За освобождение Варшавы” и “За взятие Берлина” и другие награды. Обнимаются, целуют друг друга, хлопают по плечам.

Иван Никифорович: Я уже думаю: невже ж не прийдэ, самогон же нагревается, а сало размораживается, может, уже не пьёт. На боевого собрата это не похоже.

Иван Иванович: Да я за то опасаюсь, вдруг на границе из Крыма таможенно поставили?

Хохочут.

Иван Никифорович: А тебе то шо? Ты же сейчас на Украине. Тебя с потрохами передали нам (хохочут). В общем, как малые дети играют, как будто что-то меняется.

Иван Иванович: А вдруг меняется? Заставят украинску мову изучать, писать на ней. Историю без России придумают.

Иван Никифорович: Ну, и выучишь мову, она лёгкая, и полезно тебе. У нас на Донбассе все говорят, правда, на суржике – пять слов русских, одно украинское, – и все понимают друг друга. А знаешь, есть история, как Скрипник – был у нас на Украине такой начальник – пришёл, кажется, в 1929 году к Калинин Михаилу. Тот был тоже начальник, но эсэсэровский. Его даже называли “всесоюзный староста”. Так ему Скрипник говорит: “Михаил, дай деньги на украинизацию, надо Донбасс научить. – А сколько тебе надо? – Ну, один миллион золотом”. Калинин руками взмахнул и говорит: “Да, ты что? Мы же индустриализацию ведём, а ты – украинизацию!” Потом Калинин спрашивает: “А какая разница?” – “Да есть”, – говорит Скрипник. “Ну, скажи, как по-украински голова? – Ну, голова. – А рука? – Рука. – А нога? – Нога. – А спина? – Спина. – Тьфу ты, ну, а жопа? – Жопа – то срака”. Калинин и говорит: “Что я тебе, на сраку один миллион золота дать должен?” Так и остались вы с жопой, а мы со сракой (хохочут оба), так что до сих пор разговоры на сухую ведём.

Разливают, чокаются, крикают: “Ну, ещё по одной!”

Иван Иванович: А помнишь, Ваня, под Варшавой, мы сидим в окопе, немцы поливают из миномётов, а ты говоришь: “Хотя бы скорее Варшаву освободить, братьев-славян, а там и на Берлин”.

Иван Никифорович: Да, то було. Кинулися в атаку, нашего якута Колю убили, но на Берлин пошли. Давай, Ваня, салом закусывай с цыбулей.

Иван Иванович: Да, тут вы чемпионы мира, никто такого сала не делает. А я вот гречневую кашу люблю. В моём детстве дед в первую мировую войну в русском корпусе во Франции воевал. Помогали, как всегда, всем. Ну, сидят они, едят из котла кашу, француз подошёл, посмотрел и говорит: “У нас этим кормят только скотину”. А дед ложку облизал и говорит: “Вот вы лягушек едите, а у нас их и скотина есть не будет” (хохочут).

Наливают ещё по одной.

Иван Иванович: Да, Берлин брали – злость была страшная. Вот мы вам отомстим за всё, думали: за города взорванные, за сёла сожжённые, за убитых детей. А взяли – злость прошла. Вроде бы мы их простили.

Иван Никифорович: Не простили, но злобы не держали. Зло было на наших полицаев и бандеровцев. Так наши-то затаились, в схроны спрятались и в спину стреляли. Я как демобилизовался, так ехал через Львов. Едем, поём, выпиваем, конечно. И вдруг из леса – пулемётная очередь. Мы приказали поезду остановиться, пошли в лес, да больше с дрючками. Двух схватили, поддали, но не убили. На следующей станции коменданту передали.

Иван Иванович: Вот они сейчас могут снова стрелять. Да, возьмут и наших людей стравят друг на дружку, наговорят. Вон, слышал, Черчилль в каком-то там Фултоне призвал снова войну уже с нами начать.

Иван Никифорович: Да ну шо ты, Ваню з нами стравить, николаы такого не буде, мы ж братья, а зараз кровные братья. Не помню, кто з наших поэтов написал: “Ніколи, ніколи не буде Україна рабою німецьких катів”. Каті – це поруськи палачи, мучители.

Иван Иванович: Ну, в общем, всяких гадов. Давай выпьем за вечную дружбу! Вот и Крым вам отдали.

Иван Никифорович: Да, где ж нам. Це все нам всем! Давай чарку за дружбу вечную.

Встают, чокаются, обнимаются, запевают.

***На границе тучи ходят хмуро.
Край суровый тишиной объят.***

Уходят нетвёрдой походкой за сцену, затягивают:

***Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Идут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведёт.***